

О первом учителе химии, поездке в Красноярск на строительство химзаводов и службе в авиации

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1449>

31 августа 2012

Собеседник

Лунин Валерий Васильевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 31 августа 2012 и опубликована 31 января 2013.

Введение

Главное в первой беседе — неумная созидательная сила, отличающая всякого подлинного ученого, остроумие и живость восприятия действительности. Валерий Васильевич пережил войну в землянке с матерью (дом был сожжен). Он вспоминает, сколько стоило школьное образование, когда он учился в восьмом классе (300 рублей) и с каким трудом его отцу удалось получить паспорт для него, необходимый для поступления в ВУЗ (паспорта на селе и в деревне не выдавались). Конечно, Валерий Васильевич рассказывает о первом учителе химии и опытах с приборами из консервных банок при свете керосиновой лампы. После истории о добровольной поездке с химфака по комсомольскому призыву на стройку в Красноярский край и добровольной же службе в армии, Валерий Васильевич возвращается к рассказу о факультете — по инициативе химфака ректор Иван Георгиевич Петровский написал письмо министру обороны Родиону Яковлевичу Малиновскому с просьбой досрочно демобилизовать студента Лунина. О жизни факультета и участии в ней Валерия Васильевича пойдет речь уже в следующей беседе.

Татьяна Витальевна Богатова: Можно рассказывать сначала о своих родителях, своем роде, об истории рода, о детстве, вот отсюда можно начинать.

Валерий Васильевич Лунин: Так случилось, что вчера, 30 августа 2012 года, 21-й раз я вручал студенческие билеты первокурсникам химического факультета и обращал внимание на то, откуда наши студенты. Поскольку этими проблемами я занимаюсь уже много десятилетий, я еще раз прочувствовал, что многих ребят знаю, поскольку они участники олимпиад химических, а многих не знаю, но узнаю, потому что знаю их учителей. Это Вологодский лицей и оттуда большая группа студентов ежегодно приходит к нам на химический факультет. Это Железногорский лицей, небольшой городок возле Курска, где работает замечательный учитель, и ежегодно к нам приезжают ребята оттуда. Ну, Брянский лицей № 1 — это вообще, я бы сказал так, филиал Московского университета, откуда ежегодно более 100 человек поступают на разные факультеты, и в том числе — на химический факультет. И в Челябинске — лицей. И таких центров, где работают замечательные учителя, много.

И возвращаясь к своей жизни, юности, когда человек мечтает о многом, я всегда вспоминаю своих учителей. И, конечно, учителя химии. Я учился в сельской школе, вырос в сельской местности. И мне год с небольшим было, когда началась Великая Отечественная война. Мы жили на Орловщине. Отец с первого дня ушел на фронт, а перед этим он участвовал в финской войне, затем — Великая Отечественная война, затем их направили на Дальний Восток, где завершалась война с Японией, и когда он вернулся со всех войн, уже в 46-м году, в январе, мы жили в землянке, всю Орловщину выжгло...

Т.Б.: А где вы, в каком населенном пункте жили?

В.Л.: Родился я в деревне Богдановка, Орловской области, Урицкого района. Построили мы дом перед войной в деревне Воробьевка. Тоже Урицкий район Орловской области, недалеко от той же самой Богдановки, но немцы сожгли дом, отступая, а соседи помогли нам вырыть землянку, и мы с мамой жили в землянке...

Т.Б.: Всю войну фактически?

В.Л.: Да. И в 43-м году освободили Орловщину. Брат старший — Иван Васильевич, ему было 17 лет, 26-го года рождения. Добровольцем ушел в армию. Сестра — Мария Васильевна, заболела малярией. Ну и я, самый маленький... Брат с 26-го года был, Мария Васильевна — с 29-го, я с 40-го. И, конечно, все ждали окончания войны. Но Иван Васильевич погиб уже осенью под Могилевом...

Т.Б.: В 44-м?

В.Л.: В 43-м году в Белоруссии. И, естественно, это было великое горе для мамы, которая нас всячески берегла. Она работала в колхозе, сестра училась в школе далеко, нужно было ходить 5 километров. И часто оставалась у тети в деревне, где была эта школа. И так продолжалось до января 46-го года. В январе 46-го года отец вернулся. Мама плачет. Собрались гости, ничего же не было. Какой-то самогон из свеклы гнилой...

Отец сказал маме: «Аня, не плачь! Мы победители. Скоро будем жить как в Австрии!»

Т.Б.: Он в Австрии воевал?

В.Л.: Он прошел всю Европу. Всю. Он был шофер. Классный шофер. И вот все войны он прошел на автомобиле. И он вскоре уехал. Я не знал куда. И вернулся уже 9 мая 46-го года на полторке, нас погрузил и небольшой скарб наш — и повез. И привез нас в Брянскую область. Село Красный рог, где были богатые леса, где были партизаны, и поэтому деревни многие уцелели, их не сожгли немцы, отступая. И сказал: «Вот тут мы будем жить». И он получил как участник войны, фронтовик, ранен был несколько раз, ссуду на строительство дома. Мы начали строить дом, а пока жили в небольшой

комнатке, которую нам выделили в доме в Красном рогу, и там было имение Алексея Константиновича Толстого. Удивительно красивый парк, просто необыкновенный парк, система прудов, но они уже зарастали все, и река — Рожок, ключевая, но очень чистая вода. И вот там, в сентябре 46-го года... Мне не было еще семи лет, но поскольку была война, и мама часто меня отдавала в школу, где учительница вела занятия сразу со всеми: первый, второй, третий, четвертый классы.

Т.Б.: Ну и присмотреть за маленьким...

Поступление в школу

В.Л.: Да. И я брал книгу по сельхозмашинам отцовскую, которая у нас осталась, и шел в школу. Ну и незаметно учился читать, писать, считать, и поэтому мне очень хотелось в школу.

Т.Б.: По-настоящему уже!

В.Л.: Да. И меня привели к Юлии Павловне Бобылевой — учительнице первого класса. Она сказала: «Ну, не имею я права его брать». Потом сказала: «Ну, почитай». Я почитал, рассказал стихи, я уже знал много очень стихотворений, и она говорит отцу: «Ну, ладно, Василий Поликарпович, пусть он ходит — бросит, так бросит. А будет учиться — будет учиться». Но мне очень понравилось учиться, и каждое лето я каникулы переносил с трудом. Да, я ловил рыбу, ходил за грибами, но хотелось все-таки к друзьям по школе. И так ровно 10 лет я проучился в Краснорожской сельской школе села Красный рог. А, кстати, Алексей Константинович там и похоронен у церкви, на холме с Софьей Андреевной, своей супругой, вместе. И один из братьев Жемчужниковых, тех кто составляли «группу» Козьмы Пруtkова, все там были. И вообще место заметное: был построен охотничий замок по проекту Растрелли, его немцы сожгли отступая. Были люди, которые еще помнили, старые люди, как граф строил школу для сельских детей, Алексей Константинович. Церковь Успенская, деревянная, но очень красивая, была построена им же. В общем, о нем отзывались очень хорошо.

Т.Б.: И, наверное, на учебный процесс такое вот окружение повлияло...

В.Л.: Да! Конечно-конечно. Влияло очень. И потом, скажем, я многие стихи его знал с детства.

Т.Б.: А тут вот все настоящее после него.

В.Л.: Да. Я учился хорошо очень. Закончил 10-й класс в 16 лет. А когда началась химия в седьмом классе, пришел Ефим Прокофьевич Шумейко. Он вел химию, и вел ботанику. И он так интересно рассказывал и о природе, и о ключевой роли химических превращений в жизни. Он нас учил. Мы научились прививать деревья в саду школьном. Его тогда только закладывали. И вот он стал вести химию. Я сейчас переживаю, что у нас в тысячах школ закрылись химические кабинеты, потому что, вы знаете, конечно, есть люди, которые увлекаются теорией, но химии без экспериментов быть не может.

”

Нам учитель демонстрировал простые опыты, собирая приборчики из консервных баночек, из бутылочек. Он получал кислород, азот, он поджигал лучинку, показывал как она в кислороде разгорается, как в азоте гаснет и ясно было, что этот газ поддерживает жизненные процессы, а азот — не поддерживает горение, не поддерживает жизнь. Насколько все просто и понятно было.

Тот же карбид кальция, он получал ацетилен легко очень: через маленькую трубочку выпускал его и показывал...

Т.Б.: Как он горит...

В.Л.: Как он горит. Как начинает копать выделяться. Потому что ненасыщенный углеводород, всего один в структуре, два атома водорода. И, конечно, это настолько впечатляло, что я решил — все, буду химиком! Если он может такое сделать из ничего, а все это было еще при керосиновой лампе, мы занимались во вторую смену... Ну, это было просто как волшебство. Я думаю: «А если будет университет! Если будут приборы, какая-то аппаратура, что я смогу сделать!»

Т.Б.: Чудеса!

В.Л.: Да. И я, к счастью, услышал по радио (телевизоров же не было, телефонов не было, у нас, во всяком случае, один на всю деревню был — в сельсовете), что открылся новый комплекс Московского университета, на Ленинских горах, и там есть отдельные большие здания — химический факультет, физический факультет, биологический! Я говорю: «Мама, я поеду в Москву!». «Куда ты поедешь!?» Я закончил с похвальной грамотой седьмой класс, мне было 13 лет почти и пошел в восьмой. Должен сказать, что тогда ведь образование среднее было платное.

Т.Б.: Да.

В.Л.: В восьмом классе за меня отец внес 300 рублей. У него оклад шофера был 320 рублей в месяц.

Т.Б.: За год обучения.

В.Л.: Да. А в девятом классе плату уже отменили. Это был 54-й год. И в Советском союзе образование стало бесплатным. Хотя недавно закончилась война, все было еще разрушено. И вот я, слушая по радио рассказ о Московском университете, услышал одну песню.

Т.Б.: О Москве, о университете.

В.Л.: Невероятная была, что «летят перелетные птицы, в Москву из Египта летят, и там где привыкли гнездиться, они приземлиться хотят. И видят на Ленинских горках, где раньше деревьев был свет, построен высокий и гордый — Московский университет! И птицам строители мира из окон открытых кричат, — мы заняли ваши квартиры, но вы оглянитесь назад!» К сожалению, дальше я не запомнил, хотя я все запоминал тут же, моментально, и уже никто не мог меня [заставить] свернуть с пути...

Т.Б.: С намеченного...

В.Л.: Да. И когда я закончил 10 классов, закончил очень хорошо. У меня была одна четверка, и хотели послать на серебряную медаль, но я сказал что — нет, экзамены в университете начинаются 5 июля, а это пока из области придет ответ, я опоздаю, дайте мне аттестат! И директор школы, Николай Андреевич Долгополов, сказал: «Ладно. Дайте ему аттестат, пусть едет! Он так поступит».

 И тут оказалась неожиданная преграда. Понимаете, говорят, что крепостное право отменили у нас в 1861 году! А тут — 1956 год, и выясняется, что детям сельской местности нельзя давать паспорт! Они должны оставаться в колхозе!

Т.Б.: Но ведь партией провозглашалось, во всяком случае так писали, что детям рабочих и колхозников предоставляется преимущественное право поступления в вузы.

В.Л.: Это гораздо позднее. Это было потом.

Т.Б.: А в те времена этого еще не было?

В.Л.: И куда только ни обращались мы — не дают. Потом отец вспомнил, что его друг, с которым он воевал вместе, работает у нас Почепском районе. В Почепе — это 25 километров от нашего села, он был начальник районного отдела милиции. Он его пригласил, а у нас еще 56-й год, мы не завершили

строительство дома, потому что отец в основном делал сам, денег-то не было. Была только кухонька сделана. И я на раскладушке лежу, отец с этим начальником выпивают сидят. И он говорит ему: «Петрович!» — «Что, Поликарпыч?» — «За что мы воевали?» — «Как за что? За Родину!» — «Да, за Родину, а за детей наших мы воевали?» — «Воевали» — «У меня старший погиб, Маруся-дочь перенесла тяжелое заболевание малярией, сейчас поступила в Педагогический институт в Брянской области, а вот маленький, он у меня самый способный, он — отличник, его все рекомендуют, и педсовет, и сельсовет учиться в Москву. А ты ему паспорт не даешь!» — «Ну, не имею права, Поликарпыч!» — «Ну, я думаю, право ты имеешь, потому что мы за это воевали, за это право! Вот дай ему паспорт! Мать, давай еще!..» В конце концов Петрович говорит: «Ладно, паспорт я ему дам, но если что — пусть не возвращается!» Ну и на следующий день мне выписали паспорт, я получил и стал готовиться к отъезду в Москву, первый раз в жизни на поезде так далеко! Отец говорит: «Все-таки, может быть, ты пойдешь в Горный институт? Понимаешь, там есть форма, там стипендия большая, будешь горным инженером, получать будешь много. Ну что химия?..»

” А перед этим у меня был разговор с учителем астрономии, который говорил: «Химия — это все вонючее, все ядовитое, занимайся астрономией, небо чистое, звезды!»

Т.Б.: Да. Красота.

В.Л.: Мы с ним сделали небольшой телескоп, смотрели с чердака школы на звездное небо. Я говорю: «Нет, Алексей Иванович, это все далеко. Это мне нравится, но все-таки...» — «Не слушай ты этого Шумейко!» — «Нет, Ефим Прокофьевич — волшебник!». И я уехал. Зашел в Горный институт, посмотрел. Потом поехал сюда, на Ленинские горы, увидел фонтаны, розы, такой храм необыкновенный! И я решил — все. Я буду 100 раз поступать, но поступлю в Московский университет. Я пришел в приемную комиссию...

Первая попытка поступления на химфак. Временная работа

Т.Б.: А приемная комиссия тогда тоже располагалась в том же самом месте?

В.Л.: Да, в том же самом месте, где и сейчас — в южном крыле химического факультета. Я подал документы.

Т.Б.: А какая в это время была обстановка в самом помещении приемной комиссии? Много ли было желающих поступить?

В.Л.: Очень много! Стояла очередь. Ну и надо сказать, что ко всем относились очень хорошо. А ко мне, я всегда говорю, как будто просто меня здесь ждали. Эмилия Георгиевна Перевалова — она была доцент кафедры органической химии, ответственный секретарь приемной комиссии. А деканом была Клавдия Васильевна Топчиева — председатель приемной комиссии. Тоже замечательный человек. Сотрудники приемной комиссии — я их всех помнил и помню до сих пор. Все очень помогали: «Давайте документы... Ты старайся!» Ну, я все сдавал хорошо и получаю тройку по немецкому, тогда немецкий сдавали еще. Я говорю: «Вы знаете, я же не буду зачислен». А мне преподаватель говорит: «А ты хотел быть зачислен?» Я говорю экзаменатору: «Да» — «А поближе у вас там ничего нет? Чего ты сюда приехал?» — Я говорю: «Лесотехнический, Машиностроительный, но мне химия нравится, понимаете?» «А потом, — говорю, — Ломоносов-то пришел пешком, а я — на поезде...» — «Что же? Поступает по четыре тысячи человек сюда и все — Ломоносовы?» — Я говорю: «Не все, но многие». «Нет, — говорит, — вот тебе три». И я бы поступил на самом деле, если бы я подождал, но я понял, что я не поступаю. Эмилия Георгиевна говорит: «Вот ты из сельской местности, может быть, тебе пойдут навстречу... У нас будет полупроходной балл...» — «Нет, — говорю, — я забираю документы. Я шел, мне кошка перешла дорогу. Я забираю».

Я забрал. А мои же сверстники — Сергей Серафимович Бердонос, Василий Иванович Белоусов, у них

тоже был полупроходной, они были зачислены. Но я не отчаялся. Я написал домой телеграмму, что поступал в Московский университет, не добрал одного балла, что мне делать? Отец пишет — телеграмма: «Дома делать нечего. Твой отец — Василий Лунин». Я на него обиделся. А потом только сообразил, что он ведь имел в виду — дома делать нечего, что у меня паспорт отберут! Я приеду — и все! И я пошел читать объявления — где нужны люди на работу. Нашел объявление, что Истринской районной конторе связи требуются на работу линейные надсмотрщики линий радиофикации. То есть проверять как чувствуют себя столбы...

Т.Б.: Как провода...

В.Л.: Как провода — не провисли ли, не оборвались ли. Ну такая работа, несложная. И предоставляется временная прописка.

Т.Б.: Вот это важно было.

В.Л.: Да. И я приехал в Истру. Оформился. Сначала тоже говорят: «Тебе 16 лет, мы не можем, но давайте возьмем его, ладно. Что еще будешь делать?» — «Да еще, — говорю, на курсы буду ездить в университет. И на будущий год поступлю» — «Ну, давайте возьмем». Взяли меня в город Дедовск есть такой, недалеко от Истры, там был радиоузел. И мне помогли там снять угол, где я жил у двух старичков. Он — инвалид Отечественной войны, ногу потерял, Михаил Тимофеевич, а Александра Николаевна — она в метро работала в войну. Когда он вернулся, они построили небольшой домик и меня пустили. И я в шесть часов утра включал радиоузел. Радио на весь Дедовск...

Т.Б.: Начинало говорить.

В.Л.: Начинало говорить. Потом я работал три часа до девяти, получал наряды — кому что починить. У кого там контакт испортился, радио не работает.

Вот ходил по Дедовску, проверял, загниваемость столбов высчитывал. И по вечерам ездил сюда на курсы.

Т.Б.: А работа была прямо с утра с восьми утра и до?..

В.Л.: В шесть утра я включал и до трех часов дня.

Т.Б.: Просто сдвинутый рабочий день.

В.Л.: И я мог уезжать на курсы в МГУ к пяти часам. Я приезжал сюда, занимался математикой, физикой.

Т.Б.: А что это за курсы были?

В.Л.: Подготовительные курсы. Бесплатные. У нас химию вел Сергей Сергеевич Чуранов.

Поступление на химфак

Т.Б.: Это не тоже самое, что рабфак?

В.Л.: Нет, это для школьников. У нас такие курсы и сейчас есть, только они платные. Потом появилась школа «Юный химик», но это уже когда я был студентом. Я ездил на курсы. И так случилось, что отменили немецкий язык, иностранный язык при поступлении, в 57-м году.

Ну я все сдал. Опять же, Эмилия Георгиевна была, и все за меня переживали и все меня знали. Я сдал, поступил. Пишу домой телеграмму: «Поступил в Московский университет. Что делать?» Отец пишет: «Приезжай. Ждем. Твой отец Василий Лунин».

Т.Б.: Ну, совсем другое письмо!

В.Л.: Приехал, мама рада, все рады. Все хорошо.

Т.Б.: Да, ну там же еще август-то месяц был после экзаменов...

В.Л.: Да. Потом начали учиться. Очень интересно все...

Т.Б.: А вы помните первую лекцию, на которую вы пришли? Что это была за лекция?

В.Л.: Первую лекцию читал Виктор Иванович Спицын. Академик Спицын. Лекция по неорганической химии. Очень важный, солидный академик. Читает нам лекцию. Я все записывал. Сдал первую сессию. Потом — курсовая работа.

Т.Б.: А как отличался учебный процесс в ваше время, может быть, от нынешнего. Были ли какие-то отличия там в практикумах или в семинарах?

В.Л.: Ну, вы знаете, практикумы были в ту пору более, я бы сказал, насыщенными. Сейчас есть микропрактикум, и студентам даются небольшие количества. Раньше это был...

Т.Б.: Полновесный...

В.Л.: Полновесный, хлор — так уж хлор.

Не просто там ощущение, а все выбегают! Идет этот зеленый змей, дым крутится! Все было в больших количествах. В органической химии вообще там были трехлитровые колбы, понимаете?

Т.Б.: Да. Для студентов такие были синтезы? ...

В.Л.: Да, синтезы. Перед этим ты сверлишь пробку еще сверлом, потому что не было шлифов. Вручную. Там коллодий надо залить, чтобы герметично было все. Понимаете? Все это приходилось делать самим нам и как-то тоже было интересно.

Т.Б.: Никаких приборов на шлифах не было...

В.Л.: Да. Что вы! А в весеннюю сессию мы работали на строительстве кинотеатра «Прогресс», сейчас это театр Джигарханяна. Я стоял на лесах и подавал вверх доски. Один приятель — Вова Гончаров — упустил доску. А доски тяжелые, она мне ударила в затылок. И я еще упал с этих лесов. Ну, потерял сознание... тут меня в поликлинику, сотрясение мозга, в больницу... академический отпуск. Ну, мама расстроилась, что «не везет тебе». Я приехал. Ну, ничего. Вот начну заниматься снова. А тут...

Т.Б.: Это в весеннюю сессию было, то есть где-то в июне?

В.Л.: Это был 58-й год уже.

Т.Б.: Где-то в конце учебного года.

Поездки на целину и в Красноярск

В.Л.: Да. Я, естественно, ее не сдаю, эту сессию. В академотпуск меня оформили. А тут мне приятели написали, что набирают добровольцев с первого курса на целину, на уборку урожая. Я говорю родителям: «Меня вызывают на целину» — «Как? Ты же в отпуске!» — говорит мама, — «Нет, вызывают». И нас тогда было 30 человек с первого курса. А основной курс — было 350 человек, где Эдуард Аветисович Караханов, 3-й курс.

Т.Б.: Это на лето?

В.Л.: Да. Нас послали на уборку урожая в Казахстан. Мы приехали — урожай еще не готов. И мы стали выполнять разные подсобные работы. Кто-то месил саман... А нас послали сено убирать с Александром Евгеньевичем Агрономовым — доцент, ездил со студентами всегда, каждое лето. У него своей семьи не было. И вот мы с ним заготавливали сено. Однажды приехала машина везти на обед. Мы нагрузили сено. Копну большую. Александр Евгеньевич сел в кабину с водителем. А нас было, по-моему, 5 человек, — на сено бросили в кузов.

Т.Б.: В кузов?

В.Л.: А ведь северо-казахстанская степь — это абсолютно гладкая поверхность.

Т.Б.: А вы где были, в какой области?

В.Л.: В северном Казахстане.

Т.Б.: В Целиноградской?

В.Л.: В Петропавловской, а потом уже...

Т.Б.: А потом его, по-моему, называли Целиноградом. Традиционно так и сложилось.

В.Л.: А потом уже Астана. И совхоз Булаевский мы были... И вот водитель как мчится! И поворот! И резко повернул — и нас как ветром сдуло.

Т.Б.: И вы все выпали?

В.Л.: И мы все выпали на эту раскаленную жесткую землю.

” Была такая студентка 3-го курса — Роза Мишулина. Она мастер спорта по плаванию. У нее раздроблены обе ступни. Ольга Ивановна Тананаева, Оля — дочь академика Тананаева, — у нее перелом бедра очень сложный был.

Она потом сотрудником была очень долгие годы. Сейчас на пенсии.

Т.Б.: А вы?

В.Л.: У кого-то ключица... А я ударился головой зачем-то снова. У меня сотрясение мозга.

Т.Б.: Опять!

В.Л.: Новое!

Т.Б.: Ужас!

В.Л.: И мне продлевают отпуск. Продлевают отпуск. Домой я ничего не пишу. Я пролежал полтора месяца в больнице на спине. Сначала на целине лежал — мне лед прикладывали, приходили ребята. Потом прилетела Ирина Александровна Муравьева, у нас была такая — начальник учебной части. Замечательная женщина. Была медсестрой у известного человека — Алексея Маресьева, который был «настоящий человек», «Повесть о настоящем человеке» — это о нем. Она прилетела с Симайским, который был заместителем декана по административной работе. Они меня вывезли, привезли в больницу.

Т.Б.: В больницу уже в Москве?

В.Л.: В Москве, да, я пролежал здесь полтора месяца. И потом меня направили в Вербилки, там дом отдыха. Реабилитационный такой период был. Тоже университет мне дал путевку. Короче, я пропустил много.

Т.Б.: То есть это вы, наверное, всю осень пролежали, я так понимаю?

В.Л.: Да. От курса своего отстал. И начал заниматься. И все-то думаю, — до чего мне не везет! И вдруг весной, в начале 60-го года, в конце 59-го — призыв Никиты Сергеевича [Хрущева] на стройки большой химии. Было сказано, что коммунизм есть советская власть плюс электрификация, плюс химизация всей страны. Я со своей разбитой головой обращаюсь к первокурсникам, что мы не заслужили такую красивую жизнь в Московском университете, мы должны что-то сделать для страны. Призываю всех поехать на стройки большой химии в Красноярский край. Там строится грандиозный целлюлозно-бумажно-гидролизный комбинат, это то, что нам нужно. Мы поработаем, а потом вернемся. Да, почти весь курс всполошился. И я поехал в ЦК комсомола, там сказали: «Дадим путевку. Молодец!»

Т.Б.: Поднимай остальных!

В.Л.: Да, поднимай! Ну, все было ничего. Потом Клавдия Васильевна, декан, Топчиева меня пригласила, сказала: «Валерий, что ты делаешь? Родители-то знают?» Я говорю: «Клавдия Васильевна, если родителей спрашивать, то коммунизм мы не построим никогда! Надо ехать на стройку большой химии!» Она говорит: «Знаешь, что! — Ты уезжай, только ребят не трогай!»

Т.Б.: Не баламуть!

В.Л.: «А то ко мне родители идут». А те идут и говорят: «Это-то безотцовщина! То, что хочет, делает! А наших — чего там с пути сбивает?»

Ну и уехал со мной один только товарищ — Володя Бочинин. У него отец был дипломат, работал в Министерстве иностранных дел. Очень ругался. Мы уходили, он бросил в окно валенки: «Возьмите, может, пригодятся вам!» Володя отвечает: «История нас рассудит, батя». Мы приехали в Красноярск, пришли на целлюлозно-бумажно-гидролизный комбинат.

Т.Б.: Ну, а ведь вам дали какой-то документ?

В.Л.: Нам дали путевки ЦК Комсомола, что мы, вот, добровольцы, энтузиасты на стройки большой химии...

Т.Б.: И едете официально, не просто так.

В.Л.: Чтобы оказывать содействие. Более того, Клавдия Васильевна нам выдала стипендию за лето. Да. И сказала: «Ребята, когда у вас эта блажь пройдет — приезжайте, мы вас восстановим, будете нормально учиться». И мы в Красноярске болтались наверное недели три, нас никуда не брали. Крайком комсомола, куда мы пришли с путевками сказали: «Да, поможем, но...»

Т.Б.: Пока мест нет.

В.Л.: Звонят в целлюлозно-бумажно-гидролизный комбинат, а там говорят: «Да ребята эти ничего делать не умеют! У них специальности нет никакой! А нам нужны строители!» И вот мы маялись. Я говорю: «Товарищ Устюгов! — инструктору, который за нас отвечал, — ну когда же, когда же мы приступим!» (Смеется.) Он говорит: «Да вы бы сидели там... приехали. Ничего делать не умеете». А уже стали газеты писать, что вот есть еще люди. Про нас, что мы такие сознательные.

Т.Б.: Откликнулись.

В.Л.: Учились в таком университете и вот поняли, что все-таки важно для страны вложить свой труд в строительство, и потом уже можно будет учиться. «Красноярский комсомолец», другие газеты... И как-то мы сидим в крайкоме, горюем, и молодой парень говорит: «Ребят, а поехали к нам в Назарово!» Это примерно 350 километров южнее Красноярска, туда — ближе к Туве. Я говорю: «А что у вас?» — «У нас комсомольская стройка ударная» — «А химия там есть?» — говорю, — «Да, — говорит, — у нас корпус химводоочистки будете строить». Я говорю: «Володь, поедем?» — «Поедем!» Мы приехали. А там основной состав были освобожденные бывшие заключенные. Строители. Комсомольцев там было раз два и обчелся. Володя был начальником штаба комсомольской стройки...

Т.Б.: Да вы вдвоем.

В.Л.: Молодой инженер. Мы, да еще человек пять девчонок каких-то. Нас определили в бригаду коммунистического труда, которой руководил Владимир Голубев, отсидевший 15 лет в Магадане. Но строитель был от бога. Все к нам относились очень хорошо.

Т.Б.: Но там были освобожденные-то из лагерей в основном сидевшие по политическим статьям или разные? Совершенно разные?

В.Л.: Нет! Никакой политики там! Всякие хулиганы.

Т.Б.: В общем, уголовники.

В.Л.: Да-да-да. У всех там татуировки.

”

Каждый гордился, что вот он лопатки сведет, а там — Ленин со Сталиным целуются. Или там Карл Маркс с Энгельсом. На ступнях написано: «Они устали, но не догонишь». Конечно, публика была очень интересная.

Т.Б.: А вас не обижала публика эта?

В.Л.: Публика — нет, нас не обижала. Единственное — у них по субботам были пьянки крупные в общежитии, где мы жили. И я уходил на реку Чулым — рыбу ловить.

Т.Б.: Чтобы не попадаться.

В.Л.: Да, чтобы с ними не связываться. У нас был какой-то самый низкий разряд, ну, мы работали, старались, плотники-опалубщики, нам через два месяца дали 6-й разряд. Уже мы прилично зарабатывать стали.

Т.Б.: А прилично — это сколько?

В.Л.: Ну где-то 1000 рублей.

Т.Б.: 1000 рублей в месяц.

В.Л.: Да, 1000 рублей в месяц. Это были большие деньги.

Т.Б.: Это было еще до 60-го года?

В.Л.: Это был уже 60-й год.

Т.Б.: Ну, то есть это до деноминации тысяча рублей?

В.Л.: Да, до. И так продолжалось все лето. Мы уже как-то так совсем освоились. И тут первый слет молодых строителей Сибири и Дальнего Востока, на Дивногорской ГЭС. И мы по Енисею на корабле. Мне поручили выступать на этом съезде.

Т.Б.: Ну да, вы же агитатор от бога были.

В.Л.: Да. Выступать! Выступает Андрей Ефимович Бочкин — дважды Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель; Марчук, который играет на гитаре, потом Пахмутова писала песню про него. «А море братское поет...» Я выступаю, что «мы дадим стране промышленный ток в третьем квартале, завершим строительство досрочно!» Ну опять все газеты пишут.

Виталий Васильевич Карелин, он ехал из отпуска из Красноярского края с женой, взял эти газеты, принес Клавдии Васильевне. «Ну, говорит, молодец! Нашел чем заняться!» (*Смеется.*) Вот, а в ноябре

нас вызывает военкомат.

Т.Б.: А, время подошло.

В.Л.: Военком, подполковник, говорит: «Ребят, я не пойму, кто вы?» Я говорю: «Мы — строители коммунизма, мы добровольцы, приехали сюда с путевкой от ЦК комсомола». «Вы студенты?» — «Нет, ну какие же мы студенты, если мы — строители? Мы можем вернуться в любое время — и стать студентами». Он говорит: «Ну вот что, я вас должен призвать в армию»...

Т.Б.: По закону...

В.Л.: «Вы должны отслужить!» — Я говорю: «У меня было два сотрясения мозга». «Ща, — говорит, — проверим». Ну, проверяют они меня. Говорят: «Ну зрение у тебя плохое только, а так — все вполне нормально». «Ну, куда же вы меня возьмете?» — «Возьмем в авиацию» — «Ну, говорю, хорошо». А приятель мой, говорит: «Валера, я с тобой коммунизм строить договаривался, а в армии служить — нет, я поеду обратно». Он собрал вещи — и вернулся. Вернулся, начал учиться. Восстановили.

Служба в армии. Возвращение на химфак

Т.Б.: Ну, он на химфаке тоже?

В.Л.: Да-да. А я попал как сибиряк в Казань, в школу младших авиационных специалистов и занимался год там. Родители, конечно, были в ужасе, когда узнали. Я написал, что так и так.

Т.Б.: Что я в армии.

В.Л.: Что я оказался в армии. Я закончил с отличием эту школу младших авиационных специалистов. Стал механиком по электрооборудованию самолетов. Истребительная авиация страны. Меня как отличника распределяют.

Т.Б.: Это полгода вы учились?

В.Л.: Нет, год. Меня направляют в Саваслейку в учебный краснознаменный центр ПВО страны по переучиванию летного состава на новую технику. И, опять же, как отличнику поручают обслуживать самолет тогда еще генерала-полковника дважды Героя Советского Союза Савицкого Евгения Михайловича. Потом он маршалом стал. Ну вот, я обслуживаю. Техника действительно самая новая, только-только поступали СУ-9 — новые истребители. И все лучшие летчики Советского Союза переучивались на них, приезжали регулярно на курсы в этот центр.

Т.Б.: А что входило в понятие «обслуживание самолета» тогда?

В.Л.: То есть перед каждым вылетом самолет проходит предполетную подготовку. Вот есть технический состав. Я был механик по электрооборудованию, потом — старший механик по электрооборудованию, другие были там — мастер по вооружению — проверяет всю оружейную систему. Я проверяю готовность аккумулятора для запуска самолета. Я его должен зарядить — отнести на зарядную станцию, подсоединить, проверить как работает сигнализация о пожаре, система защиты, система воздушного давления, обогрева, системы обледенения, то есть там спирт, его запускаешь, чтобы фонарь не обледенел, все датчики проверить, много датчиков. Ну такая работа, интересная. И я обслуживаю.

Один раз мне Евгений Михайлович говорит: «Лунин, слушай, а правда ты в университете учился?» Я говорю: «Правда, товарищ генерал-полковник» — «А что, у тебя родителей нет?» — «Есть» — «А как же тебя отпустили в путешествие?» — «Ну я же, — говорю — поехал строить коммунизм...» — «А в армию?» — «А это — почетная обязанность каждого гражданина нашей страны» — «А дальше что собираешься делать?» — «А дальше я вернусь в университет. Мне все письма пишут — все однокурсники, друзья» — «Ну, знаешь что, у меня в Клину есть полк отдельный, там переучивают из соцстран братских летчиков. Давай я тебя отправлю и скажу, чтобы тебя отпускали в университет, хотя бы раз-два в месяц

в увольнение».

Т.Б.: Ну да, чтобы догнать. Связь не потерять.

В.Л.: Я говорю: «Ну, это вообще было бы здорово! Конечно... я был бы вам очень благодарен» — «Ну, давай, я позвоню полковнику Абрамову...». И меня раз — и откомандировывают в Клин. И я в Клину. Попал в этот полк. Отличные все летчики. И командир эскадрильи был Геннадий Иванович Шитаков — выдающийся летчик-истребитель.

Т.Б.: Понятно.

В.Л.: Летчик от бога. Он учился в одном классе с Галиной Брежневой в Днепропетровске, был очень красивый. Говорит: «Она за мной так утрепывала». Я говорю: «Геннадий Иванович, женился бы, представляешь, кто был бы — генерал сейчас!» — «Ты бы ее видел», — говорит. *(Смеется.)*

В армии я служил хорошо. Ходил чистить картошку все три года. Никакой дедовщины, я ее всю на корню пресекал.

Т.Б.: А так вообще попытки были?

В.Л.: Попытки были. Были, но ребята в основном образованные все. Кто техникум закончил, кто пединститут.

Т.Б.: Ну да, все-таки это войска такие — не пехота.

В.Л.: Ну, скажем, у нас был Володя Черниченко, он все говорил: «Лунин, надо солдат посылать, что ты сам ходишь чистить картошку?» — «Ты брось, — говорю, — Володя, как тебе не стыдно! У тебя ребенок будет, что ты хочешь, чтобы у тебя были какие-то особые условия?»

Ну и потом на третьем году меня назначили старшиной эскадрильи, там я спуску никому не давал — все ходили и чистили. А поскольку я действительно хорошо служил — мне дали грамоту ЦК комсомола, знак «Отличник боевой и политической подготовки». Потом брошюру меня попросили написать — «Лучший метод воспитания — личный пример». В войсках очень пользовалась большой популярностью. И я приезжал действительно в университет со всеми значками, в военной форме, встречался с ребятами, заходил к Клавдии Васильевне, она говорит: «Возвращайся-возвращайся». И где-то в апреле месяце 1963 года факультет обратился к Ивану Георгиевичу Петровскому, ректору университета, с просьбой направить письмо маршалу Малиновскому — министру обороны СССР с ходатайством, чтобы меня демобилизовали в июне из армии, а не в сентябре.

Т.Б.: Ну да, когда учебный год в разгаре.

В.Л.: Да-да. К учебному году. И Иван Георгиевич такое письмо подписал, Малиновский получил. Прислал запрос в часть. Мне замполит, полковник, он у меня все в Военно-политическую академию агитировал, говорит: «Вот организуй самодеятельность — отпустим».

Т.Б.: Задачу ставили вам непростую.

В.Л.: Ну ладно. Хор из офицерских жен, ребят всех собрал. Я стихи читаю, программу веду. Потом приезжала наша футбольная команда — играть. Самодеятельность нашу, Петросян, например, песни пел в воинской части у нас. Ребята приезжали каждую субботу. Если не я приезжал, то они приезжали. В общем так, очень дружно жили...